

«ВАСЮГАНСКАЯ БАЛЛАДА»

все это подкупает в книге Г. Любовского. Позволю себе лишь одну питу:»

«По болотам, лесам, просекам, гарям смиренно бродят последние дни сентября, лучистые, легкие, по-летнему теплые, светятся поутру белыми росами. Скоро прудимые, по в затемненных кустарниках все еще зелены завитки мышиного горюшка, малые тройчатки кислицы, неувядшие листья сныти.

В лесу благостно, тихо. Лимонным светом облиты лиственницы, их желто-соломенная крона зовет к себе глухарей, они прилетали рано, с рассветом, шумно усаживались на соснах, долго, сторожко осматривались и по одному начали перелетать на лиственницы. Неспешно возятся там, ощипывая хвою и, делая тяжелые перескоки с ветки на ветку, роют сухие сучья».

Тяжело, тягостно (опять вспоминаю — как в «Биме») читать последние страницы повести. Но уверен, что именно такие эмоции и стремился вызвать у читателя автор. Цель его проста и ясна — заставить нас еще раз задуматься: кто же мы, люди, такие по отношению к природе? Рачительные хозяева? Бездумные туристы? Или — что еще хуже бездумности — расчетливые и хладнокровные хищники-потребители? И в том, что эти вопросы непременно встанут после прочтения книги Г. Любовского, — ее пафос, ее гражданская позиция. Ее главная ценность, наконец.

А. ЛЕЙФЕР.

Эта книга напомнила мне другую, написанную на такую же тему. Тему, ставшую — уву — постоянной в нашей художественной и документальной литературе. «Уву», потому, что не исчезают причины, побуждающие все новых и новых авторов браться за перо.

Читая повесть «Васюганская баллада», я вспомнил белого Бима с черным ухом, его незаслуженные страдания и трагедию. В этой параллели нет ни грани упрека в подражательности автору «Баллады» — омскому журналисту Г. Любовскому. Наоборот, хочу подчеркнуть, что новое произведение на старую тему написано по тем же законам воинствующей доброты и человечности, по которым написан и «Бим», и другие лучшие книги данного плана.

Перед читателем проходит вся жизнь медведицы Майги. Жизнь нелегкая, а под конец уже совсем невыносимая. И все невзгоды Майги — от контактов с человеком. Человек убил ее мать, человек приручил и ласкал ее, пока она была медвежонком, но он же приучил ее вести неестественный образ жизни, а потом, когда выросла, посадил на цепь, стал панически бояться ее: он стрелял в нее из дробовиков, вынатовок и ракетниц, давил вездеходом, преследовал при помощи вертолета, скоростного глссера... И, наконец, человек же убивает ее, измученную, израненную, причем, и убивает то глупо — в реке, отдав на корм рыбам и не воспользовавшись ни шкурой, ни мясом.

Это не один в тот же чело-

век, их встречалось много в короткой жизни Майги. Это браконьер Талаалаев, это лесовод Костарев — принципиальный и честный, хотя не хватило у него изобретательности и настойчивости, когда пытался вернуть Майгу в ее родной дом — в тайгу. Это опытный пилот, но бессердечный человек Трошин, трассовники и бурьильники из нефтеразведки, безымянный пьяница, издевавшийся над медведицей, заставляя ее наполнять бочку с ядерной затычкой, и многие другие.

В конце концов Майга уходит от людей, она стремится лишь к тому, чтобы добраться до глухой части тайги, где их еще нет. Но человек всюду:

«...В тех лесах, что окружили это болото, все чаще и все слышнее стегали, шелкали, ухали, хлопали с долгими перекатами выстрелы. Время от времени выкатывалось из-за туч солнце, и снежная бель на кочках и мхах, на кустах голубики и малых сосенках светилась, сверкала, искрилась, было безветренно, чисто, бело, и как вызов всем и всему — пальба, грохот, пальба...»

Уже не раз в литературе авторы, писавшие художественную прозу о животных, показывали окружающий мир, смотря на него как бы их глазами. Использовал этот прием и Г. Любовский. И использовал весьма в меру, не перегибая,

что называется, палки. Исподволь, словно мимоходом, рассказывает он читателю о сложной, но мудро устроенной матерью-природой жизни медведей, об их повадках и характере. Не случайно редактор книги и автор послесловия к ней В. А. Александров подчеркивает, что написана повесть с «основательностью натуралиста и подлинно бремловским психологизмом».

Но было бы неверным оценивать повесть только с этих позиций. Главное в ней, разумеется, — люди. Их нелегкий труд, их жизнь в суровом Нарымском краю, который экономически необходимо освоить, ибо в его недрах богатства, необходимые стране. С искренней теплотой и со знанием дела показывает нам автор труд я быт трассовников, бурьильников, лесорубов, егерей, лесных пожарных, лесоводов... Все они делают большую, нужную работу, трудятся, не жалея себя. Но порой у некоторых слово «освоение» и слово «разорение» стоят уж слишком рядом. И в печальной судьбе медведицы Майги как бы сконцентрировалась печальная и тревожная истина нашего времени: человеку необходимо защищать природу и защищать... только от самого себя.

Вспоминаются многие герои повести. Прежде всего колоритная фигура старого охотника Флегонта Артамачева —

истинного знатока тайги, доброго, веселого и умного старика. Он видится мне неким олицетворением того здорового и здравого народного начала, которое и должно в конце концов восторжествовать при решении проблемы человек и природа. Охотник — профессионал в прошлом, он никогда не убивал из глупого азарта, а тем более из желания нечестно нажиться, он брал у тайги ровно столько, сколько нужно и можно было взять.

Симпатичен Павел Николаевич Костарев. Он любит глубины Васюгана, из-за этого чуть не рушится его семья. Любит этот край не созерцательной любовью, — борется с браконьерством, думает о будущем здешних мест, мыслит широко, нестандартно.

Вспоминается и другое. Равнодушный следователь Базенин, фактически положительный под сукно дело о браконьерстве. Житель поселка Конюх, откармливающий медвежат, как свиней, а потом сбывающий все, что только можно от них взять: мясо, шкуру, целебное сало и знаменитую желчь, помогающую «от всех болезней».

Написана повесть языком незаметным, своеобразным. Хороши диалоги, во всяком случае, большинство их. Но особенно хороши описания живой природы. Точность, подлинное, доскопальное знание предмета, обилие деталей, поэтичность —